

*Посвящается Генри,
проделавшему пять тысяч миль
ради того, чтобы меня найти.*

Я люблю тебя!

Часть первая

*Городок-жемчужина
в предгорье Санта-Круз
Лос-Гатос, Калифорния*

Глава 1

Июль

В назначенный день свадьбы моего жениха Джеймса привезли в нашу церковь в гробу.

Сколько лет я мечтала, как он будет ждать меня у алтаря, лучась той удивительной улыбкой, что всегда предназначалась мне одной и от которой всякий раз у меня внутри все замирало. Однако вместо того, чтобы шествовать по проходу между рядами скамей навстречу своему лучшему другу, своей первой и единственной любви, я очутилась на его похоронах.

Я сидела рядом со своими родителями в храме, полном его друзей и родственников. Они должны были бы стать гостями на нашей свадьбе — но вместо этого пришли почтить память человека, ушедшего из жизни так внезапно. Он был совсем молодым. Ему исполнилось всего-то двадцать девять.

И вот его не стало. Он ушел навсегда.

По щеке покатилась слеза, и я ее утерла уже порядком измятым бумажным платочком.

— Держи, Эйми. — Мама дала мне свежий платок.

— Сп-пасибо, — отозвалась я, всхлипывая от рыданий, и сжала его в кулаке.

— Это она? — кто-то произнес тихонько за моей спиной, и я невольно напряглась.

— Да, невеста Джеймса, — ответили шепотом.

— Бедняжка. С виду совсем молоденькая. А они давно были помолвлены?

— Точно не скажу, но знали друг друга с самого детства.

— Ну, надо же, детская любовь! — слышался удивленный вздох. — Как это прискорбно!

— Я слышала, его тело искали не одну неделю. Представляете? Так долго пребывать в полном неведении!

Не сдержавшись, я издала тихий стон, нижняя губа задрожала.

— Послушайте! Проявите хоть немного уважения! — резко прошипел папа сидевшим сзади дамочкам.

Поднявшись с места, он пробрался мимо нас с мамой, тыкаясь ногами нам в колени, снова сел — так, что я оказалась между ним и матушкой, — и привлек меня к себе, укрыв от досужих шепотков и любопытных взглядов.

Тут загудел орган, и похоронная церемония началась. Все поспешно встали. Я тоже медленно поднялась, ощущая себя разбитой и постаревшей, и вцепилась пальцами в скамью впереди, чтобы без чувств не повалиться обратно на сиденье. Все повернули головы к задней части церкви, где те, что несли гроб Джеймса, подняли на плечи свой скорбный груз.

Глядя, как неспешно и торжественно шествуют они за священником, я не могла не думать о том, что несут они нечто гораздо большее, нежели останки Джеймса — видимо, слишком изуродованные, чтобы держать гроб открытым. Наши с ним надежды и мечты, наше будущее, которое мы расписывали вместе, — все это теперь медленно и неотвратно уплывало на их плечах. И планы Джеймса навсегда распрощаться с семейным бизнесом и открыть в нашем городе собственную кар-

тинную галерею. И моя мечта о маленьком ресторане, когда родители решат расстаться со своим заведением, уйдя на покой. И тот маленький мальчишка, которого я рисовала в воображении, представляя, как он весело топает между мною и Джеймсом, соединяя нас своими крохотными ручонками.

Сегодня все это должны были похоронить.

Меня сотряс новый, громкий судорожный всхлип, эхом отразившийся от стен церкви и перекрыв даже стихающие звуки органа.

— Я больше не вынесу, — хрипло произнесла я сквозь рыдания.

Все это было ужасно. Навсегда прощаться с Джеймсом — и, стоя во втором ряду, чувствовать, как взоры сожаления всех присутствующих в церкви буквально прожигают тебе спину. От тяжелой смеси запахов пота и ладана, вкупе со сладким, назойливым ароматом орхидей, которыми было искусно, в похоронном стиле, убрано все помещение, воздух там казался удушающим. Эти цветы были еще загодя заказаны для нашей свадьбы, но Клэр Донато, мать Джеймса, решила теперь использовать их для похорон.

Те же цветы, та же церковь. Церемония вот только совсем иная.

В желудке предательски дрогнуло, и, на всякий случай прикрыв ладонью рот, я попыталась пробраться мимо отца к проходу, но мама удержала меня за кисть, крепко-крепко ее стиснув. Она подхватила меня под руку, и я бессильно склонила голову ей на плечо.

— Ну, будет, будет, детка, — попыталась успокоить она меня.

Слезы безостановочно лились по моим щекам.

Наконец мужчины, несущие гроб, опустили его на металлическую подставку и вернулись на свои ме-

ста. Томас, родной брат Джеймса, быстро скользнул на первую скамью, оказавшись возле Клэр, черный костюм которой и седые, туго собранные в пучок волосы были столь же строгими и натянутыми, как и ее неизменная статья. Фил, его двоюродный брат, вернулся к скамье, встав с другой стороны от миссис Донато. Обернувшись, он посмотрел на меня, качнув головой в знак приветствия. Я нервно сглотнула, отпрянув назад, отчего икры моих ног даже вдавились в деревянное сиденье.

Клэр тоже развернулась:

— Эйми...

Вздвогнув, я перевела взгляд на нее:

— Клэр...

С того момента, как пришла весть о гибели Джеймса, мы с ней почти и не общались. Клэр, потерявшая младшего сына, ясно дала понять, что мое присутствие слишком уж болезненно напоминает ей об этой горькой утрате. Так что для нашего общего блага я старалась держаться от миссис Донато на расстоянии.

Похороны между тем шли своим чередом, со всеми полагающимися ритуалами и гимнами. Я лишь вполуха слушала все, что там говорилось, едва вникая в церковные чтения. Едва закончилась церемония, я побыстрее выскользнула за дверь, пока никто меня не перехватил. Утешений и соболезнований я наслушалась уже столько, что хватит на две жизни!

Вскоре и прочие участники церемонии вышли на церковный двор. За арочным проемом, через который я пыталась потихоньку улизнуть, был виден стоящий в ожидании гроба катафалк. Обернувшись через плечо, я вдруг обнаружила недалеко от себя Томаса. Тот решительно прошагал под аркой и, обхватив меня обеими руками, крепко-крепко прижал к себе — грубая

ткань его костюма даже царапнула мне щеку. Выглядел Томас почти как Джеймс — такие же темные волосы и глаза, такая же смуглая кожа. Он очень напоминал своего брата, казавшись его более зрелой версией, — однако ощущала я его совсем иначе.

— Я рад, что ты пришла, — сказал он, дыханием шевельнув мои волосы.

— Едва смогла.

— Я знаю.

Томас увлек меня в сторонку от уже скапливающейся вокруг толпы, и мы остановились у пышно цветущей лианы камписиса на самом краю прохода. Ярко-сиреневые цветки слегка покачивались на прогретом июльском ветерке. Капельки прибрежного тумана, обычно густо окутывающего Лос-Гатос в предутреннюю пору, давно высушило солнце. Уже сейчас было довольно жарко.

Чуть отстранившись, Томас крепко взял меня за плечи:

— Ну, как ты?

Я замотала головой и прижала язык к небу, сиюсь сдержатъ вырывающиеся рыдания. Сделав шаг назад, я высвободилась из рук Томаса:

— Мне надо идти.

— Всем нам надо. Поехали со мной? Отвезу тебя на кладбище, а после — на фуршет.

Я снова замотала головой. Он приехал к церкви с Клэр и Филом.

Томас тяжело вздохнул:

— То есть ты не едешь?

— Только на похороны. — Я нервно затеребила пальцами поясok на платье. Добраться туда я собиралась с родителями, на их машине, и с ними же предполагала и уехать. — Фуршет устраивает твоя мать. Там будут ее родственники и друзья...

— Они были и вашими с Джеймсом друзьями.

— Знаю, но...

— Я понимаю. — Он потянулся во внутренний карман пиджака и вынул сложенный листок бумаги. — Не знаю, когда в следующий раз тебя увижу...

— Я же никуда отсюда не уеду. Только потому, что Джеймс... — Запнувшись на полуслове, я уставилась на свою обувь. Черные туфли на танкетке. Совсем не белые атласные лодочки с открытым носком, что я предполагала надеть в этот день. — Ты всегда можешь мне позвонить. Или заехать в гости.

— Я собираюсь надолго уехать.

Я подняла голову:

— Да?

— Вот, это тебе.

Я развернула листок, и у меня перехватило дыхание.

Это был именно чек от Томаса. На очень крупную сумму.

— Что за...

У меня затряслись пальцы, а мозг отчаянно попытался переварить увиденные в чеке цифры. Двести двадцать семь тысяч долларов.

— Сразу после женитьбы Джеймс собирался огласить свою волю, но... — Томас потер пальцами подбородок и опустил руку. — Я ведь теперь остаюсь бенефициаром. Я пока что не получил средств с его банковских счетов — но все это стало бы твоим, за исключением его доли в «Донато Энтерпрайзес». У него просто не было возможности оформить эти детали в завещании.

— Я не могу принять эти деньги, — протянула я ему обратно чек.

Томас сунул руки в карманы.

— Нет, можешь. Сегодня вы должны были пожениться, и все это стало бы твоим.

Я снова заглянула в чек. Это была невероятная сумма.

— Если не ошибаюсь, твои родители скоро отойдут от дел, верно? Ты можешь выкупить их ресторан или же открыть свой собственный. Джеймс как-то обмолвился, что ты об этом подумываешь.

— Я еще не решила.

— В конце концов, можно попутешествовать, посмотреть мир. Сколько тебе, двадцать шесть? У тебя еще вся жизнь впереди! Займись тем, что сделает тебя счастливой... — Томас натянуто улыбнулся и посмотрел куда-то вдаль, через церковный дворик. — Мне надо идти. Береги себя, ладно? — И он быстро поцеловал меня в щеку.

Я ощутила легкое прикосновение его губ, но едва различила последние слова. Во дворе слышались разговоры гостей, да и мои мысли были уже далеко отсюда. *«Займись тем, что сделает тебя счастливой»*. Я не представляла, что это такое может быть. Больше уже не представляла.

Я подняла голову, чтобы попрощаться с Томасом, но он уже ушел. Обернувшись, я увидела его на противоположной стороне дворика рядом с матерью и двоюродным братом. Словно почувствовав мой взгляд, Фил склонил голову набок и встретился со мной глазами. Нарочито приподнял бровь. Я нервно сглотнула. Склонившись вперед, он что-то прошептал на ухо Клэр, после чего неторопливо двинулся ко мне.

Воздух вокруг затрещал от зловещих искр, точно масло в раскаленной сковороде. Я услышала слова Джеймса — словно отголосок минувшего: *«Давай скорей отсюда выбираться»*.

Быстро сунув чек в сумочку, я развернулась и выскользнула из церковного дворика к парковке. Я торо-